

Оправдание фарисейства

«Господь наш Иисус никак не мог согласиться с отношением фарисеев к богатству. Ведь среди них считалось, что богатство есть свидетельство особой милости Бога к человеку, а Иисус учил: „Не можете служить Богу и мамоне“. Именно поэтому Он призывал не к накоплению богатства, а к благотворительности: „Продавайте имущества ваши и дайте милостыню“ (Лк.12:23). И добавлял: „Когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди“ (Мф.6:2)».

Евангельское повествование как бы в малом кристалле запечатлело в себе всё, что бывает и всё, что может быть в мире. В этом смысле мировая история является неким макрокосмом, в котором действуют те же силы, которые действуют в Евангелии.

Недостаточно говорить о том лишь, что события жизни Спасителя вечно совершаются в мире, что вечно рождается Христос и лежит младенец в Вифлеемских яслях, что вечно звучит Его проповедь и совершаются Им чудеса, недостаточно чувствовать, что над миром вечно вознесён Голгофский крест и вечно распинается на нём Истина. Недостаточно видеть вечное Воскресение, вечно пребывающую в мире Пасху. И даже ощущение апокалиптических свершений, вечно не только угрожающих всему земному, но и реализуемых в человеческой истории, не исчерпывает того, что в результате воплощается в мире.

В известном смысле каждый человеческий образ, явленный и раскрытый нам в Евангелии, отображается в ходе человеческой истории. Так же блудница продолжает омыwać слезами ноги Спасителя, так же ввергается в бездну стадо свиней, так же обращается мытарь, и ученики точно также идут, оставив свои сети за Учителем. И вечно отрекается Пётр, и вечно по вере идёт он по водам, и вечно противостоят Христу блюстители закона, книжники и фарисеи, и задают Ему лукавые вопросы, и предают, и толпа кричит: «Распни, распни Его!»

В макрокосме Вселенной, в мировой истории, мы узнаём целые периоды, стоящие под тем или иным знаком Евангельского повествования.

Евангельской хронологии, конечно, нет, потому что в Божьих судьбах наша земная, временная последовательность случайна. Может быть, всегда существует всё наличие Евангельских событий, и Рождество одновременно с Голгофой, и Голгофа с Воскресением. Мы только чувствуем, что каждая эпоха выдвигает по преимуществу то, что ей ближе или более свойственно.

И тянутся долгие века, когда книжники, законники и фарисеи блюдут завещанный им отцами закон: когда в этом вечном всемирном Израиле всё покойно, пророки молчат, жертвы приносятся в храм, фарисей бьет себя в грудь и благодарит Бога за то, что он не как мытарь.

Потом в мир врывается огонь. И вновь, и вновь звучит призыв Предтечи к покаянию, и опять ломается установившаяся жизнь, и рыбаки бросают сети, а люди оставляют не похороненными своих мертвецов... чтобы идти за Ним! А потом, как и прежде выполняется пророчество: дом оставляется, он пуст, солнце гаснет, земля раскалывается на куски и нет человеку пристанища. Голгофа разрастается и становится всем миром. Ничего не остаётся, кроме креста. Человечество призывается к жертве. И падая, предавая, изнемогая, вновь подымаясь, оно идёт на эту жертву.

Не надо проводить точных исторических параллелей. Само собой разумеется, что портретного сходства мы тут получить не сможем, но вместе с тем каждому ясно, в какую эпоху мы живём. Все

мы помним, как ещё недавно в сытом и устоявшемся мире, законном и по-своему добродетельном, звучала благодарственная молитва фарисея, и каждый слышит, как за окнами домов толпа и сейчас взывает «Распи, распни Его». И каждый чует тяжелую поступь шагов, возносящих свой крест на Гологофу.

Кроме такого макрокосмического воплощения Евангелия в мире, есть и иное, — существует и некий микрокосм Евангельского повествования. Это отдельная душа человеческая. И не то, что каждому человеку дано как бы повторить один из Евангельских образов, — нет, каждый повторяет всё Евангелие, или, вернее, может Его повторить. Мы в себе совмещаем и мытаря и фарисея, и не верим и следуем за Христом, мы предаём Его и отрекаемся от Него, мы висим рядом с Ним на кресте и как разбойник взываем, чтобы Он помянул нас во Царствии Своем.

В этом смысле неложно обетование, данное Христом грешнице, что она сотворила помянётся везде, где будет проповедано Евангелие.

И можно говорить не только о подражании Христу, но и о неизбежном подражании (подсознательном)* Евангелию, не только о том что человек стремится к Христову совершенству, но и о том, что он падает во все бездны, о которых повествует Священное Писание.

Человек находится в вечном раздоре, в расколе, в несмолкаемом споре с самим собой. И внутренний путь его определяется с одной стороны собственными законами, внутренними событиями, изменениями таинственного пейзажа его души, — с другой стороны находится в зависимости от внутреннего пути эпохи, в которую он живёт, отражает, сотрудничает с ней. Если эпоха фарисействует, то очень трудно человеку не быть фарисеем, если эпоха насыщена трагизмом, всё гибнет и человечество себя чувствует на Голгофе — то и отдельный человек гораздо острее воспринимает этот трагизм жизни, легче идёт по пути жертвы, сознательно подымает крест на свои плечи.

Здесь микрокосм связан с макрокосмом (именно в этом смысле). Они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

И если принять такую возможность, стояния каждой эпохи под особым знаком евангельских образов, то, может быть, станет яснее, что каждое время несёт в себе свои особые добродетели, особые пороки ей преимущественно свойственные.

Может быть, условно, мы можем говорить об истории пороков и об истории добродетелей. И это было бы столь же характерно, как рассуждать о истории искусства, или истории образов правления, истории мысли человечества.

Но если мы внимательно присмотримся к тому, как развивается с мире человеческий дух, то увидим, что самое характерное это чередование огромных, почти всегда мучительных и трагических подъёмов, с эпохами некоего мерцания, блюдения огня, консервирования затухающих порывов.

Ветхий Завет в известном смысле является точным регистратором того, как это происходило в Израиле.

Начиная с блаженного времени райского существования, когда Адам давал имена всему существующему, и общался с Богом, открывается длинная цепь падей и восхождений человечества. Райское блаженство было прервано грехопадением. Человек оказался вынужденным в поте лица добывать и есть хлеб свой, — может быть в поте лица, то есть с невероятными духовными усилиями сберегать в своей душе отблеск райского света. Он оказался призван как бы только к консервированию, к памятованию, к верности, а не к новым Богооткрытиям и не к новым райским

видениям. Но и в этой малой задаче он предавал, он опускался на самое дно греха, в лице Каина поднял руку на брата, в бесчисленных своих представителях грешил и предавался пороку.

Что в этих сумерках первозданного человечества могло быть особой добродетелью?

Только эта верность райским воспоминаниям, только эта вера грядущим событиям, только трезвая и размеренная поступить, пересекающая долину плача и греха.

Так рождался прототип законников, прототип всех блюдущих вчерашний день, охраняющих традиции, сделавших верность и память вершиной своих восхождений.

Душа человеческая может быть уже тогда испугалась дерзаний!

(Не дерзание ли увело прародителей из Эдема?)

Душа человеческая тогда уже стала ограничивать свою свободу. (Не свобода ли заставила Еву поддаться искушению?)

Душа человеческая отреклась от выбора? (Выбирают только падение, только отречение. Добродетель же призывают к неподвижному пребыванию во вчерашнем дне, к блюдению, к памяти, к ожиданию).

Так начинался унылый, будничныи, однообразный путь падшего человечества. И это длилось века.

Изредка эти сумерки прорезались молнией. Бог нарушал своё вековое молчание. В добровольно выбранное рабство и окаменение врывался голос Божией трубы, пророки звали мир из его окостенения к новому пламени, они говорили о гневе Божиим и об огне, который сожжет мир, по сути, они вновь и вновь призывали мир к выбору и свободе!

Пророков побивали камнями.

Отчего? Разве не отблеск утраченного рая и не заря грядущего обетования сияли на них? Разве не об этом стенало и мучилось человечество? Не во имя ли этого соблюдались законы? Не для этого ли приносились жертвы... Почему же пророков забивали?

Потому что человечество научилось бояться свободы, оно знало куда эта свобода привела его, чувствовало заранее, что при свободе выбора оно или пойдёт за пророками или опустится в последнюю бездну. Нет, уж лучше не рисковать, не пробовать, не искушаться, не соблазняться. Должное отмерено. Десятина мяты даётся храму и на этом пути пусть много не достигнешь, но зато ничем не рискуешь. Неподвижность, гарантировала от новых потрясений, от катастроф, от трагических сдвигов. Она гарантировала и от освобождения, и от расплавления, — а так всё же спокойнее, лучше, прочнее.

Мир медленно погружался в сумерки.

Уже слагал свои вопли тоски и безнадежности Экклезиаст. Ветер возвращался на круги свои и уныние подстерегало человеческие сердца. Никто не верил, что близится утро. И пророки молчали.

Посреди Народа Божьего, повторявшего слова Экклезиаста, крепкими дубами, несокрушимыми твердынями высились блюстители его правды, хранители законов и каждой его буквы — книжники, законники и фарисеи.

Человек изменит, — но закон не изменит!

Человеческая душа превратна, — буква неподвижна!

А потому буква (и запятая)* — выше души, а суббота выше человека.

И в священных книгах сказано о Мессии, Святом Израилеве: Его пришествие не ложно, — а потому пусть молчит безнадёжность, они достерегут закон до Его славного дня. Лишь бы ничего не расплавлялось, не сгорало, а оставалось бы неподвижно в мёртвом окостенении. Таковы правила для всего народа, таковы заповеди для каждой отдельной души. Исполни предписанное, принеси жертву, отдай храму то, что ты должен отдать, соблюдай пост, но не оскверняйся общением с нечистыми и тогда если не ты, то твой сын дождётся. Но и ты имеешь награду, за то, что исполнил закон и каждую букву его, а поэтому ты лучше мытаря.

Нет сомнения, что каждый чувствует эту жестоковыйную фарисейскую правду и ничем ей до срока возразить не может. И нет сомнения, что современная душа, всякая человеческая душа проходит через эту фарисейскую правду, через выжженную и безысходную пустыню выжидания, бережения, — может быть сберегает последний глоток воды, — не выпью, потому что другой воды не будет.

Да, в пустыне духа, во время страшной духовной засухи, фарисей оправдан. Он единственный разумный и бережливый, охраняющий и трезвый. И не расточителю, не тому, кто во время великого Исхода объедается манной и дичью, обпивается студёной водой и пляшет перед золотыми тельцами, — не ему обвинять строгую бережливость законника, постящегося даже посреди всеобщего голода и выполняющего все как надо. Он сохранит скрижали завета в скинии, он введёт душу народа в землю обетованную.

Сколько раз, в каждой из наших душ суровый блюститель традиций и законов прокликает неверную толпу соблазнительей, нарушителей Закона.

В каждом из нас идёт такая борьба за чистоту уставов, законов, за букву, за то, что связано с грядущим, ещё не воплощаемым обетованием. Когда пророчество молчит в нас, когда дух не расплавлен, кто будет блюсти его от растления, кроме блюстителя закона стоящего на страже. Но есть ли у него обвинитель, перед которым он должен оправдываться, а оправдываться нечем. А это смещает законы земного природного мира, уничтожает фарисейскую праведность, верность законников, всё мудрование книжников. И это нечто есть огонь!

Огонь сошел в мир. Слово Божие воплотилось. Бог стал человеком.

И не случайно этому чуду, этому исполнению обетований противостояли именно те, кто были блюстителями чаяний и заветов. Началась борьба законников с тем, что превышало Закон, субботы с Сыном человеческим. Их устойчивые привязанности столкнулись с Ним. Он, пьющий и ядущий с мытарями и грешниками, Он, говорящий о трёхдневном восстановлении разрушенного храма, — разве не должен был Он показаться им самим страшным разрушителем «положенного», традиционного, привычно-устойчиво-спасительного. Да, конечно, они восстали на Него во имя своей вековой правды. Если они не видели в Нём Мессии, то и не могли чувствовать себя сынами чертога брачного и жить по духу и силе этого чертога.

Огонь сошёл в мир! Человеческие сердца расплавились. На путях к Воскресению стал Голгофский крест. Казалось бы, что те, кто распинал Его и предал Его, оказались по ту сторону, в ветхом, дряхлом, уступающем и даже отступающем Завете. А по эту, с Ним, сплотились новозаветные, огненные, взявшие крест на свои плечи, освещенные преображающей тайной воскресения — на века, до конца мира, члены Церкви Его, которую и ад не одолеет.

На самом же деле в христианстве сохранились все силы, действовавшие в Ветхом Завете. Та же жестоковыйная, безразличная, удобопреватная толпа, те же блюстители закона, уже нового, Его закона, христианские книжники, фарисеи и законники, и ещё — те же побивающие камнями пророки, юродивые, не укладывающиеся в рамки закона беззаконники.

Собственно вся история христианства есть история тушения и вновь возжигания огня.

Так эта история развивается в каждой отдельной душе, так она протекает в мировом пространстве. Мы знаем холод и мертвенность целых христианских эпох, мы изучили времена всполохов и разрастающегося огня подлинного христианского благовествования. Но и там, как в Ветхом Завете, чередуются книжники и фарисеи с зачинателями новых путей, и в каждом из этих периодов есть широкая волна мученичества, подвижничества, исповедничества, покаяния и очищения. Нужно быть справедливым и сказать, что действия фарисейства не исчерпывается только удушением огня, замораживанием живой мысли и умерщвлением зародившегося пламени — они действительно охраняют, подлинно берегут, консервируют, проносят драгоценный ларец христианских сокровищ чрез теснины мертвых и самодовольных эпох. И здесь, нужно опять быть справедливым и сказать, что не обывателю, не представителю мертвых эпох нападать на них — они праведно защищают христианство от вечного язычества, культа мелких страстей, предрассудков, культа самых разнообразных идолов и тельцов из разных металлов — железного тельца государственной мощи и золотого тельца экономического благосостояния.

Но наряду с этим они ограждают церковь и от подлинного христианского горения, они берегут свои святыни и никому не дают напитаться от неё.

Оценка пользы и значения для Церкви фарисейства зависит главным образом от эпохи, в которой они живут. В зависимости от множества факторов внешних и внутренних, меняется и колеблется само фарисейство.

Мы сейчас стоим в начале некой новой церковной эры. Многое в её характеристике стало ясно, а потому и выявились моменты, что Церкви в данную минуту необходимо и что вредно. Мы воочию ощущаем свою эпоху и можем отличить её от предшествующей — это даёт нам возможность видеть, то новое, что от нас требует Церковь, то, от чего мы обязаны сейчас освободиться, чтобы этим «старым» и даже «устаревшим» не повредить (но как найти и определить эту меру?)*.

Предыдущая церковная эпоха занимала собой около двухсот лет Петровского периода. Если мы всмотримся во все видоизменения произведённые тогда в жизни церкви, то выясним, что самое правильное было бы охарактеризовать их, как попытку некоей постепенной протестантизации Церкви. В известном смысле Православие в Петровские дни переживало то, что католичество в дни Лютера. Разница только в том, что этот процесс никогда не достигал такого напряжения, как на Западе и никогда не разрывал тела церковного. Он был ослаблен, локализован, подведён под обязательность православных догматов. С другой стороны он не носил характера и подлинно-религиозных исканий, как западный протестантизм. Петровские церковные реформаторы, меньше всего были религиозными реформаторами. Сами себя они не чувствовали ни пророками, ни святыми — они лаицизировали(секуляризировали)**, обмирщали Церковь, отнимали из её видения мир, изгоняли её огонь в пустыню, удаляли в леса, в скиты, в отдаленные монастыри.

Надо сказать, что они многого добились. Синодальное православие во внешних, формальных своих проявлениях действительно стало одним из ведомств великого Российского государства. Иерархия, украшенная государственными орденами и лентами, зачастую имела психологию крупной императорской бюрократии. Не буду перечислять фактов, говорящих о таком обмирщении православия в XVIII и XIX веках. Можно только сказать, что именно оно привело к отпадению всей ищущей культурной части русского народа — русской интеллигенции — от Церкви.

Если бы вся Церковь стала тем, чем она была на поверхности, в своей внешней государственной и народной жизни, то постепенно все ее предназначение было бы умалено и ни о каком возрождении не приходилось бы говорить. На поверхности, в те времена, действовали

вовсе не книжники и фарисеи, не блюдущие букву законники, а разной степени добросовестности обер-прокуроры и чиновники, как духовного, так и светского звания.

Но у Церкви тогда были и свои праведники, благодаря которым она могла подготовиться к ожидающим её испытаниям. Именно они действительно сохранили церковные сокровища, под спудом, под покровом официального церковного ведомства.

Были в первую очередь святые! Правда, их количество не особенно велико, два последних века в этом смысле были гораздо более скудны святостью, чем все предшествующие века Православия в России. Но святость сохранилась, она не могла исчезнуть, она ведь сердце церковной жизни. Явление святости (её малость или великость)* не есть нечто, что характеризует церковную жизнь вообще.

Характерная же особая праведность Петровского периода, конечно, носила черты фарисейские, законнической и книжнической религиозности. Это естественно, потому что само время требовало от людей в первую очередь сохранения «старого огня», бережения прежней святости, охранения опыта отцов и праотцев, стережения скинии Завета.

Мир, внешний мир, расхищал и расточал церковные богатства духа, обмирщал человеческое сердце, учил совсем иным построениям мирозерцания и мироощущения. И не только мирской мир оборачивался таким чуждым обликом. В самой Церкви все громче раздавались новые голоса, в самой Церкви все труднее становилось оберегать церковную святость. Поэтому нарожение некоей охранительной праведности было понятно и даже логично. Это было неизбежно и чрезвычайно полезно для церковного будущего. Какой бы облик не принимал Синод, как бы победоносно не развивался процесс обмирщения Церкви, за ним притаились все церковные клады, строго оберегаемые, ждущие своего дня, чтобы опять засиять миру и низвести огонь в сердца нового поколения русского народа.

Надо быть справедливым. Охранители действительно доохранили, книжники защитили каждую букву, законники передали заповеди в неприкосновенности, фарисеи соблюли праведность незапятнанной. Им церковная жизнь многим обязана!

Но вот кончилась Петровская Церковная эпоха. В России было восстановлено патриаршество, символ начала новой жизни Церкви. После многих сотен лет вновь началось гонение на христианство в таких размерах, которых, пожалуй, не знала первохристианская Церковь. Гонения эти не только физически уничтожили верующих, — они отравили и отравляют всю народную душу, они воспитывают целые поколения в полном неведении о Христе. Церковная жизнь поколебалась, верность Церкви не даётся от самого рождения, как некий собою разумеющийся факт, а завоевывается страшными духовными потрясениями и кризисами. Всё шатается и трещит, возникают новые вопросы, мир обращается к церкви, прося её ответить на то, чем она уже веками не занималась.

Более того — не только церковный мир пылает — всё человечество пребывает в огне, оно выбилось из привычной жизни, взметено вихрями, несётся по неведомым дорогам, корчится в войнах, кризисах, революциях.

Могут ли сейчас блюстители закона охранять и дальше? Этого ли требует Церковь от своих верных детей? Этим ли она утолит смертельный голод мира? Это ли сможет она противопоставить всем вопрошаниям исстрадавшегося обезбоженного, потерявшего путь человечества. Нет, конечно.

Да и помимо наблюдений о внешнем мире, разве сама церковная жизнь не говорит нам, что из недр Церкви вырвался древний огонь столько веков тлевший под спудом, что сейчас церковная

жизнь, окрашенная кровью мучеников, достигает невероятного напряжения, что сегодня могут и должны зазвучать пророческие голоса.

А главное, что сейчас в душе каждого искреннего человека звучит требовательно и настойчиво призыв Предтечи: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное». И душа отвечает этому призыву сама, она передает это близким, утешает отчаявшихся и угрожает беспечных.

Перед верующим сердцем вдруг начали тускнеть все вторичные, случайные ценности, благолепный покров церковной жизни, с ослепительной остротой обозначились единственно и до конца важные вещи. Человек, в наше страшное время почувствовал, что он стоит нагой и грешный перед лицом Бога, что он не выполнил заповеди о любви, что он не лелеял землю, Божье творение, что не замечал брата своего и не прибегал к Божественной помощи. В нашем малом и тварном мире раскрывается для каждой души как бы отображение грядущего Страшного Суда, человечество проходит через ночь отчаяния — хочет ли оно достигнуть нового дня, хочет ли сжечь и очистить свою грешную душу?

В такое время фарисеям нечего делать, в такое время каждая буква в законе сама начинает говорить и учить, в такие времена церкви нужны другие люди и иные силы и совсем иной огонь. И пусть мы понимаем и считаем естественным не только недоумение тех, кто блюл истину, но и возмущение их, и боязнь за верующих, за всё человечество и за истину — как бы ни было естественно их отношение к новой жизни, возникающей в Церкви, во имя всполохов огня, который загорается во имя душ, которые расплавляются именем Христовым, во имя Церкви, её сияния, её пылания во имя всех, кого ей надлежит осветить, согреть и освятить, мы должны помнить, что фарисеям и законникам сейчас не место блюсти церковное достояние.

Мы с верою должны ждть пророков, обличителей и утешителей, зажигателей человеческих душ, борцов за полновесную ничем не умаленную правду Христову, - в жизни и в учении, в храме и вне храма, везде и повсюду, потому что всё по праву принадлежит этой правде.

Монахиня Мария, Париж